

НУЖНА ЛИ ФИЛОСОФИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ?

ДАТЬ ОТВЕТ НА ПОСТАВЛЕННЫЙ В ЗАГОЛОВКЕ ВОПРОС НЕ ТАК ПРОСТО, ПОСКОЛЬКУ ДАЖЕ НЕ СВЕДУЩИЙ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧЕЛОВЕК ПОНИМАЕТ, ЧТО ДАЛЕКО НЕ ВСЯКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРИГОДНА ДЛЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ДАЖЕ У ТЕРРОРИСТОВ ЕСТЬ КАКАЯ-НИКАКАЯ ФИЛОСОФИЯ. ВОЗВРАТ К НЕДАВНЕЙ ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ, В КОТОРОЙ НЕМАЛУЮ РОЛЬ ИГРАЛИ КАФЕДРЫ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА, НЕВОЗМОЖЕН, НО ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И СВОБОДА МНЕНИЙ СОВСЕМ НЕ ТОЖДЕСТВЕННЫ ВСЕДОЗВОЛЕННОСТИ. НИКАКАЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ» НЕ МОЖЕТ СЛУЖИТЬ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ЗАМЕНЫ АСТРОНОМИИ АСТРОЛОГИЕЙ, А ИСТОРИИ — «НОВОЙ ХРОНОЛОГИЕЙ»...

Алексей Руткевич,
заведующий
кафедрой
философии
Государственного
университета —
Высшей школы
экономики, доктор
философских наук

Какой-либо «единственно верной» философии никогда не было, не существует даже единого сообщества философов. Связано это с расхождениями в исходных принципах, с различным пониманием природы человека, но именно такие вопросы относятся к философским. Для того чтобы определить место философии в системе образования, нужно понять, о какой философии идёт речь.

Философия начиналась как «любовь к мудрости», но уже древние греки чётко различали житейскую мудрость (осторожность в суждениях, умеренность, рассудительность, жизненный опыт) от познавательной деятельности, направленной на поиски первоначал, принципов познания, морали и политики. Именно эту «метафизическую» традицию отвергают те, кто желает либо заменить философию идеологией, либо сделать её «служанкой науки». Разумеется, научная мысль никогда не была обособлена от мысли философской, а великие научные революции всегда определялись сменой философских концепций. Науки никогда не развивались в вакууме, они опирались на фундаментальные принципы, аксиомы, которые находятся в ведении философии.

Любая наука изучает конкретную предметную область, философия обращена к миру в целом, к человеку как субъекту познания, моральной оценки, эстетического переживания. В каком-то смысле философия учит «искусству мышления». Если сравнить то или иное научное сообщество с фабрикой, производящей знания и требующей строгой специализации, то философ выглядит как ремесленник. Отсюда скептическое отношение многих учёных к философии: когда-то современное производство выросло из ремёсел, но ныне они остались только в тех уголках, до которых не дотянулась рука менеджера и техника. Если сегодня какой-нибудь натурфилософ начинает строить «систему мира», не имея представления об астрофизике или биологии, над ним не без оснований смеются посвятившие себя этим дисциплинам учёные.

Философам прошлого иной раз удавалось давать синтез самых разных наук, увязывая их данные в целостной системе. Но сегодня эта задача никому не по силам. Учёный обращается к философии, когда он ставит перед собой вопросы об инструментах познания, о реальности, об истине. Дело не только в том, что все учёные используют понятия и должны иметь представление о логике, чтобы не совершать элементарных ошибок; такие понятия, как «энергия», «жизнь», «ценность» («стоимость» в экономике), выходят за пределы конкретных наук. Некие аксиомы принимаются научным сообществом как нечто само собой разумеющееся, интуитивно очевидное, но в истории науки не раз происходила смена «парадигм», связанная именно с философским переосмыслением такого рода оче-

видностей. Конкретные науки связаны с практическими задачами, но математика и естествознание достигли уровня теории благодаря тому, что в Древней Греции они сочетались с философией — слово «теория» означает незаинтересованное созерцание. В основе всех прикладных наук по-прежнему лежат теоретические исследования, мотивированные исключительно любознательностью человека, его стремлением познавать мир таким, каков он есть.

К философии тому же учёному придется обращаться, поскольку нужно понимать последствия иных экспериментов, вроде клонирования. Каковы наши мотивы, волевые решения, акты выбора; к каким целям они направлены; за какие действия я несу ответственность и как её определить? Могу ли я вслед за одними философами считать, что разумный человек должен «не смеяться, не плакать, но понимать», или же я прислушаюсь к тем, кто видит призвание человека в деятельной любви или даже в росте «воли к власти»? От того, как мы определили самих себя, зависят само наше существование и взаимоотношения с другими людьми.

Вопросы этики затрагивают каждого из нас в повседневном общении, на работе, даже в одиноких раздумьях о собственной жизни. Их тоже не свести к «полезности». Ни одно общество не обходится без моральных норм и предписаний. Конечно, лекции и семинары не сделают человека нравственным, но они хотя бы заставят задуматься — в нашем не самом совершенном обществе это уже немало. Будущему менеджеру полезно прослушать курс по «корпоративной этике», а будущему врачу — по медицинской деонтологии, но эти курсы дополняют и развивают то, что было освоено на семинаре по философии.

Говоря о высшем образовании, мы предполагаем, что выпускник вуза — не только специалист, но также и, в первую очередь, гражданин. Убивающий пациентов врач, сделавшийся бандитом офицер спецназа, коррумпированный судья — что может быть хуже профессионала, служащего злу? Но помимо вопросов этики су-

ществуют и вопросы политики — воспитание гражданина не сводится к знанию своих прав и обязанностей. Существа общественные, мы вынуждены действовать и общаться с другими, а это толкает нас к познанию того, что является благом для индивида и для общества. Из этого стремления рождается политическая философия, которая не тождественна политической мысли вообще. Философия не является идеологией, поскольку не держится определённого социально-политического порядка, её интересует прежде всего истина. Отличается она и от теологии (знание человеческое, а не богооткровенное), и от «политической науки». Попытки заменить политическую философию экономикой, социологией, социальной психологией, соединяемыми в некую «политологию», устраняют самое главное — мыслящего об общественном благе гражданина. Для учёного высшей ценностью является истина, однако сама наука ничего об этой ценности не говорит: физика ведь не утверждает, что сама она — благо. Не годятся и ссылки на «полезность». Во-первых, утилитарную ценность нельзя сделать тождественной ценности истины. Во-вторых, «полезным» знание бывает и для осуществления явного зла. Изгоняемые позитивистами в дверь, ценности возвращаются через окно, протаскиваются тайком, только высшими ценностями оказываются хитрость и сила.

Можно было бы привести множество примеров того, что без философии никак не обойтись, что университет предполагает воспитание эстетического вкуса, что любому специалисту не помешают сведения по истории религии (хотя бы для того, чтобы он не становился членом какой-нибудь секты), что патриотическое воспитание предполагает знакомство с историей отечественной мысли и т.д. Но к чему перечислять всё это, если ректоры наших вузов вообще отменили бы философию, если бы она не относилась к обязательным дисциплинам? Под речи о «гуманитаризации образования» сокращается время на изучение всех гуманитарных наук, а философия

сводится чаще всего к одному семестру на первом курсе. Об искусстве или религии будущие врачи, инженеры или экономисты не прослушают ни единой лекции; ни Платон, ни Данте, ни Достоевский «не нужны» для их будущей профессиональной деятельности, а потому ими можно пожертвовать. На место идеологического промывания мозгов пришёл узкий практицизм технократов, назвавших свои инженерные вузы «университетами» (даже самые заштатные институты сделались университетами), но не имеющих ни малейшего представления о задачах, которые стояли и стоят перед системой высшего образования. Они убеждены в том, что в задачи вуза входит только подготовка специалистов, словно ему не нужны носители национальной культуры, нравственно вменяемые граждане. При этом они ссылаются на воображаемый ими «Запад», хотя на Западе реальном хорошо помнят уроки истории: революции сметали те элиты, которые сами готовили своё падение хищничеством и безнравственностью. Любое общество нуждается в обладающем авторитетом высшем слое, который отличается от прочих не только размерами «кошелька», но также более высоким уровнем морали, стремлением включать в свои ряды действительно лучших. В условиях демократии эта задача решается прежде всего с помощью системы образования (многих ректоров наших инженерных вузов, наверное, изумило бы то, в каком объёме и насколько серьёзно изучается философия в инженерных высших школах ФРГ).

Считается, что вузы готовят «людей дела», которым не нужны всякого рода «изыски», что будущего врача или инженера мы будем ценить не за то, что он читал Канта или Кафку, а за умение лечить или строить мосты. И такое отношение к философии — во все не новость для России. И прежде высшие учебные заведения создавались для решения практических задач — подготовки офицеров, инженеров, врачей. Утилитарный взгляд на науки возник в России не вчера, он унаследован со времён Петра I и Екатерины II. Философия в России создавалась и развивалась за пределами университетов. Подобно тому, как в XVII–XVIII вв. на Западе Декарт, Локк или Лейбниц вовсе не стремились к месту профессора, Чаадаеву или Киреевскому показалась бы странной сама мысль о чтении курсов студентам. Только к началу XX века некоторые блестящие представители русской философии «Серебряного века» стали защищать диссертации и преподавать. Связано это и с отсутствием свободы мысли: в царской России даже в самые вольные времена были серьёзные ограничения, а в СССР идеологический контроль был всеобъемлющим.

В правящей элите хватало образованных людей, но на философию они смотрели с подозрением. Отношение к философии российских правителей чаще всего сводится к двум позициям: либо она признаётся полезной для поддержания существующего порядка, либо может представлять для него хотя бы косвенную угрозу и подлежит устранению. При Николае I министр народного просвещения, князь Ширинский-Шихматов, запретил пре-

подавание философии и она была изгнана из системы образования. Но выбрасываемая за дверь, философия всегда возвращается через окно — вот только какая философия? От коллег из разных вузов Москвы я не раз слышал, что среди студентов наибольший интерес к философии проявляют сторонники экстремистских политических партий и движений — фашисты, национал-большевики, «комсомольцы», «неоевразийцы» и т.п. Если посмотреть на книги по философии, которые популярны в молодёжной среде, то окажется, что читают прежде всего представителей «пост-модерна», т.е. учеников Ницше и Маркса, французских наследников «мая 68-го года». И дело тут не только в том, что существует своего рода «мода» на подобную философию, а представитель артистической «тусовки» находит в ней обоснование своего божественного стиля жизни. Всё это есть и на Западе. Но западная система при всей пестроте мнений и партий стабильна, тогда как к нашим экономическим трудностям и политической неустойчивости добавляется настоящий хаос в сознании огромного числа сограждан. «Разруха начинается в голове» — эти слова героя повести Булгакова ничуть не устарели.

Этой сумятице в немалой мере способствуют средства массовой информации, но свою лепту вносит и система образования. Один мой коллега, заведующий кафедрой в МГУ, потратил несколько лет на увольнение дамы, которая вместо философии преподавала астрологию и обосновывала эту практику ссылками на «плюрализм мнений». Читая лекции преподавателям вузов в середине 90-х гг., я сам столкнулся с тем, что множество вопросов из зала касались моего отношения к «окультурным наукам», к «творческому синтезу» алхимии и второго закона термодинамики и т.п. Экономическая и политическая рациональность невозможны в обществе с магическим мышлением; демократия предполагает разумный выбор между программами, а не выбор демагога, обещающего чудодейственным образом решить все

проблемы. Вряд ли следует идеализировать страны Запада — в каждой из них хватает своих проблем. Но в то самое время, когда во Франции и в Германии началась настоящая борьба с вредоносными сектами вроде «сайентологии», у нас они получили широчайшие возможности и экран центральных каналов телевидения. Философии там хорошо учат в том числе и потому, что даже равнодушный к любым мировоззренческим вопросам обыватель понимает ценность стабильности и общественного порядка.

Мне могут возразить, что во многих странах никакого обязательного курса по философии для врачей, инженеров и менеджеров не существует. Это верно, но верно лишь отчасти. Возьмём две страны — США и Францию, в которых химик или агроном не обязаны изучать философию. Но в США каждый студент обязан на протяжении всего первого года обучения повышать уровень своей культуры и он изучает то, что называется classics: за год он должен не только прослушать лекции, но также прочитать 25–30 толстых томов, примерно треть из которых составляют довольно сложные философские трактаты (Платон, Аристотель, Локк, Юм...). Споры относительно «политической корректности» возникли там именно потому, что представители ряда национальных меньшинств поставили под вопрос то, что читать студенты должны были Шекспира и Локка, а не «Махабхарату»; но никто не отрицает того, что будущему специалисту нужно быть ещё и культурным человеком. В американских университетах сегодня огромной популярностью пользуются курсы по «критическому мышлению», которые во многих ведущих университетах обязательны для тех же химиков и агрономов, а по своему содержанию этот курс представляет собой синтез философии и психологии.

Во Франции философию в университете проходят только студенты философских факультетов, но первую университетскую степень бакалавра получают выпускники лицеев. Выпускные экзаме-

ны в лицее принимают не школьные учителя, а университетские профессора. Философия — один из важнейших предметов в последний год средней школы и проходят её французские лицеисты куда основательнее, чем наши студенты. Ряд произведений «классиков» нужно прочитать целиком (предполагается, что каждый образованный француз должен знать Декарта и Паскаля), другие изучаются по толково составленным антологиям. Знание текстов — не самоцель: изучая проблему причинности, следует прочитать то, что по этому поводу писали Спиноза, Юм или Кант; обращаясь к темам морали, необходимо познакомиться с взглядами Эпикура, Сенеки или того же Канта; при обсуждении темы «сознание и бессознательное» не обойтись без Фрейда, но читают всё это для того, чтобы научиться у «классиков» искусству мышления, — решать проблемы придётся самим.

Особенностью Франции мы назвали бы то, что все получившие полное среднее образование имеют неплохое представление о философии, следят за дискуссиями философов — не случайно новые «философские моды» рождаются именно во Франции, а издательства конкурируют друг с другом, выпуская философскую литературу. Однажды я с удивлением прослушал по радио France-Culture часовую лекцию по «Метафизическим размышлениям» Декарта, причём уровень изложения был чрезвычайно высоким — в России он был бы доступен только профессиональным философам (или студентам старших курсов философских факультетов). Как оказалось, эта лекция предназначалась для тех, кто готовится сдавать лицейские экзамены экстерном. Короче говоря, философию во французском университете не проходят только потому, что с нею уже неплохо познакомились в лицее. Учатся в средней школе 12 лет, и тем, кто в заключительный год изучает философию, 17–18 лет — по возрасту они сравнимы с нашими первокурсниками, но вот по уровню знания философии их даже не приходится сравнивать.

Франция вряд ли может служить для нас примером даже в том случае, если наши дети и внуки будут учиться в школе 12 лет и в обязательном порядке изучать философию. Для этого у нас просто нет подготовленных кадров учителей. Во Франции ежегодный конкурс на места преподавателей в лицее (CAPES) проводится ежегодно и по философии он всякий раз составляет 20–25 человек на одно место — сдаются сложные письменные и устные экзамены (существует ещё более сложный экзамен, дающий не только это место, но также право в дальнейшем преподавать в университете — agregation). Разумеется, в таком конкурсе участвуют исключительно те, кто заканчивал философский факультет, — у прочих нет ни малейших шансов. У нас выпускники философских факультетов за крайне редким исключением не идут в среднюю школу, но и в вузе преподают философию в большинстве случаев люди без специального образования. Это кажется нам немыслимым, когда речь идёт о математике или химии, истории или филологии, но три четверти преподавателей кафедр филосо-

фии не получали соответствующего образования. Времена изменились, но остались и многие доценты той эпохи, и скука студентов, и пренебрежительное отношение преподавателей других дисциплин.

Считая, что философия, безусловно, нужна нашей системе образования, я не скрываю своего критического отношения к тому, что и как сегодня преподаётся, — чаще всего это совсем не заслуживает имени «философия». Когда я беру в руки текст Госстандарта, то обнаруживаю, что он мало чем отличается от программ советских времён. Под тем, что именуется «социальной философией», скрывается тот же самый истмат, а знание «законов диалектики» по-прежнему считается необходимым для студента, будь он физиком или лириком.

Многие нынешние учебники следовало бы озаглавить «Основы марксистской философии» — так было бы честнее. Разумеется, Маркса следует внимательно читать — он был видным экономистом, социологом и философом XIX века, но «социальную философию» изучать не нужно. Сам термин «социальная философия» применим к небольшому числу учений и школ. От того, что марксизм был действительно таким учением (равно как неомарксистские доктрины, вроде Франкфуртской школы), ещё не следует, что существует общепринятая дисциплина с таким названием. Необходимо прочитать несколько лекций по философии истории и политической философии — тогда будет понятно, о чем идёт речь, но для этого самому преподавателю нужно освоить десятка три серьёзных книг по этим дисциплинам, не говоря уж о классике — Платоне и Аристотеле, Гоббсе и Локке, Канте и Гегеле. Тому, кто не получал философского образования, сделать это трудно (хотя я совсем не исключаю того, что толковый и ответственный человек способен это сделать). Философские тексты далеки от «тайного знания», это не «эзотерика», а рациональное знание, и требования к профессионалу здесь ничуть не менее жёсткие, чем в случае математики или биологии.

Некоторые преподаватели, которым совсем не хочется перелагать истмат, убрав разве что раздел о «роли партии», превращают курс лекций по философии в некий популярный «Краткий очерк истории философии». Автор этих строк сам историк философии, мне понятна необходимость обширного историко-философского курса на философских факультетах и хотя бы годичного курса на некоторых других (скажем, социологам и психологам такой курс необходим, эти дисциплины совсем недавно обособились от философии и их история совпадает с историей философии). Но историю философии нельзя учить иначе, как читая и комментируя сложные тексты. Без такого опыта чтения и понимания этот курс представляется мне бессмысленным. Вреда от того, что студент услышит имена Платона и Канта, даже запомнит, в каком веке жил Декарт, я не вижу, но и пользы от этого нет никакой. Общий курс, длящийся один-два семестра на первом курсе, совершенно непригоден для того, чтобы читать «Метафизику» Аристотеля или «Критику чистого разума» Канта.

А без такой работы с первоисточниками история философии сводится к изучению популярного учебника — в таком карикатурном виде она совсем не нужна.

Главная цель курса по философии — не загрузка памяти студентов бесполезной информацией, но развитие аналитических способностей, умения читать сложные тексты, пользоваться абстрактными понятиями, без которых невозможно не только научное познание, но и мышление как таковое. Поэтому необходим курс систематической философии, для которого история мысли — средство, а не цель. Он должен способствовать не столько историко-философской осведомлённости, но развитию способности самостоятельно мыслить, приводить аргументы, пользоваться общим для всех наук категориальным аппаратом. Разумеется, рассматривая на семинаре понятие «интуиция», студенту нужно будет знакомиться с учениями Платона или Бергсона, но целью в данном случае будет не историко-философское исследование генезиса их концепций, а сама эта способность нашего сознания.

Систематический курс по философии предполагает определённую последовательность: от общих вопросов онтологии, логики и эпистемологии студент идёт к этике, эстетике, политической философии и философии истории. Вряд ли можно уложить в несколько месяцев всю эту проблематику — подробное изучение онтологии или эстетики не является целью общего курса по философии. Можно и нужно учитывать специфику факультетов: с математиками нужно обсуждать проблемы логики, журналистам и специалистам по информатике нужно будет подробнее излагать семиотику и герменевтику, тогда как юристам важнее философия права, а политологам — политическая философия. Но основные темы курса сходны, причём вопросы этики или эстетики чрезвычайно важны, если иметь в виду то, что у высшего образования есть и воспитательные функции.

Если студенты успеют прочитать лишь несколько книг или даже ограничат-

ся текстами какой-нибудь антологии или хрестоматии, это полезнее чтения скучного учебника. Но ещё важнее то, что они станут значительно лучше аргументировать свои позиции, усвоят ряд категорий, без которых невозможно научное мышление вообще, станут чуть лучше судить о том, что вообще может быть названо произведением искусства, а что является наглостью подделкой. Такой курс вряд ли можно уложить в один семестр. На мой взгляд, оптимальным было бы изучать философию на протяжении двух семестров — тогда даже не изучающие логику в качестве обязательного предмета (юристы, журналисты, психологи) могли бы познакомиться хотя бы с азами этой дисциплины.

Не нужно путать две разные сферы деятельности: научный поиск и преподавание. Когда философ пытается сам решать ту или иную проблему, когда он мучительно подбирает слова для выражения оттенков своей мысли, он свободен в выборе средств, он имеет право на оригинальность (но не «оригинальничанье»). Обсуждая тот или иной вопрос с коллегами, читая курс лекций для аспирантов-философов, он уже куда менее свободен, но всё же ему не приходится жертвовать слишком многим. Но если он преподаёт 17–18-летним юношам и девушкам, которые не имеют представления о философии, то его задачи сходны с задачами любого школьного учителя — год за годом нужно повторять «прописные истины», т.е. то, что давно стало достоянием нашей культуры.

Разумеется, философия отличается от математики или физики: если теорема Пифагора или законы Ньютона уже никем не оспариваются, то в философии немного тех тезисов, которые хотя бы кто-нибудь не подвергал критике. Но перед тем как обучиться критиковать какие-нибудь аксиомы или постулаты, философ долго учится тому, что к таковым относится. Стремление покрасоваться перед студентами в области философии ведёт только к тому, что одни не понимают ничего и бросают изучение предмета, тогда как другие выучивают пару броских фраз, ко-

торые затем повторяют, не понимая их содержания. Запутать, поразить броской, но малопонятной фразой всегда легче, чем разъяснить, дать определение, разложить сложное явление на простые составляющие.

Требования к подготовке профессиональных философов были достаточно высокими даже в советскую эпоху, когда значительную часть времени студенты должны были тратить на чтение даже не Маркса и Энгельса, которые всё же были крупными мыслителями, а совершенно бесполезных трудов толкователей. Но всё же предполагалось, что философ должен знать высшую математику и физику, всеобщую историю и историю искусства, а такие дисциплины, как логика или история философии, были не столь уж идеологизированными. Философские факультеты давали неплохое общее образование и даже учили философии, пусть в довольно урезанном виде. Если бы философию в вузах у нас преподавали специалисты, получившие профессиональную подготовку, то она не вызывала бы такую скуку и даже ненависть у студентов той поры.

С исчезновением странной для любого философа монополии политической партии на истину, казалось бы, эти факультеты должны были существенно улучшить качество образования. Этого не произошло, хотя число «мучеников догмата» за последние годы сократилось; часть из них сменила неплохо образованная молодёжь. У многих студентов появилась возможность отправиться на стажировку за границу, вышло огромное количество превосходных книг — русских философов-эмигрантов, переводов западных и восточных мыслителей. Но в головах студентов часто обнаруживается плохо переваренная смесь всего со всем. Не всё было дурно в советской системе философского образования, не всё заимствуемое ныне с Запада заслуживает почтения, но сегодня публикации по философии и курсы лекций часто представляют собой синтез далеко не лучших сторон того и другого. Смесь диалектического материализма, русской религиозной философии и «постмодернизма» — вот нередкий результат философского образования. Плюрализм необходим нормальной политической жизни, но плюрализм в одной голове напоминает психическое расстройство.

К тому же качество образования определяется не только уровнем знаний и умений педагогов, но также умственными и волевыми способностями тех, кто учится, а многие лучшие выпускники школ стали учиться экономике, менеджменту и праву. Сказывается и то, что нынешние студенты куда менее начитанны: они больше смотрят телевизор или сидят за компьютером, а тому, кто в детстве мало читал, труднее даётся изучение сложных текстов. Разумеется, они ничуть не глупее своих отцов и дедов, просто визуальная культура теснит книжную. Но ещё сильнее на средний уровень вузовской подготовки повлияло то, что в 90-е годы открылось множество философских факультетов, в большинстве своём «липовых». Когда я читаю рекламное объявление одного московского частного университета, открывшего «Академию Поэтов

Профессионально — в защиту валеологии

Отзыв на статью З.И. Тюмасевой
«Невалеологические проблемы валеологии»¹

Юрий Бахтин,

кандидат медицинских наук, доцент

Галина Корчагина,

доктор педагогических наук, профессор

Валерий Соломин,

доктор педагогических наук, профессор,
проректор по учебной работе РГПУ имени
А.И. Герцена, Санкт-Петербург

В череде звучных голосов, периодически выступающих в связи с новым учением о здоровье человека, редко приходится слышать спокойное и убедительное слово авторитетного специалиста, объективно оценивающего необходимость оздоровления населения современной России, взвешенно обсуждающего пути и методы решения этой важной задачи и беспристрастно рассматривающего особое положение и особенную роль нового направления научно-практической деятельности, называемого валеологией, — его возможности, достоинства и перспективы.

Именно таким нам представляется выступление на страницах журнала «Народное образование» директора Института здоровья и экологии человека Челябинского государственного педагогического университета, доктора педагогических наук, профессора Зои Ивановны Тюмасевой, опубликованное в разделе «Педагогическая методология».

Откликаясь на одну из газетных публикаций, в очередной раз обрушившуюся с нападками на валеологию, известный учёный-педагог, биолог, эколог, валеолог — профессор З.И. Тюмасева разносторонне и обоснованно аргументирует право на существование и развитие этого нового научного направления, обсуждает его роль в изучении и применении методов укрепления здоровья населения и в решении актуальных проблем оздоровления молодого поколения страны.

У специалистов нечасто возникает желание тратить своё время, чтобы обосновывать доказанное, обдуманное и очевидное, а тем более — опровергать досужие размышления и откровенные спекуляции, с заказным пафосом нагоняющих модную «волну» или энергично взбивающие околонуучную «пену».

¹ Тюмасева З.И. Невалеологические проблемы валеологии // Народное образование. 2002. № 7. С. 73–79.

и Философов» в качестве факультета, я задаю себе вопрос: кто же там преподаёт? Чаще всего занимаются этим люди без всякой профессиональной подготовки, иногда откровенные проходимцы. Лишь на нескольких философских факультетах (в Москве, Петербурге, Екатеринбурге, Ростове, Новосибирске) преподают хорошие специалисты.

Перед школьным учителем, который заметил склонность к философствованию у ученика, встаёт вопрос: какой университет ему порекомендовать. В первую очередь, я посоветовал бы воздержаться от поступления в большинство частных университетов — какой бы заманчивой ни была реклама, достойного образования по философии они не дают (преподавание других дисциплин, вроде бухгалтерского учёта или аудита, там может быть перwokлассным). Если у родителей школьника есть средства, то их лучше потратить на сравнительно недорогое платное место в государственном университете (в Москве — в МГУ, РГГУ, РУДН). Думаю, что жителю Петербурга или Екатеринбурга нет смысла отправляться в Москву — они получают неплохое философское образование дома. Конечно, в Москве есть преимущества, хотя бы связанные с наличием хороших библиотек. У каждого из московских философских факультетов есть свои достоинства: в РУДН хороши языковая подготовка и изучение индийской, китайской и арабской философии, в РГГУ он получит классическое гуманитарное образование, философский факультет МГУ даёт фундаментальную подготовку для тех, кто собирается стать преподавателем вуза. Не могу хотя бы вкратце не сказать об открывающемся со следующего года философском факультете в Высшей школе экономики.

Если кратко сформулировать научную программу философского факультета ГУ—ВШЭ, то она заключается в развитии аналитической философии в России, сочетаемой как с другими достойными школами западной философии (герменевтика, психоанализ, феноменология, философская антропология и т.п.), так и с некоторыми традициями отечественной мысли. При всей терпимости к иным мнениям здесь не будет места ни «историософии», ни «постмодерной» софистике, ни «феминистской эпистемологии», ни тем концепциям, которые уместны в духовной семинарии той или иной конфессии.

Государственный университет не может обойтись без уже существующих министерских стандартов и программ, но они нуждаются в модификации: единственное, что можно и нужно сохранить, — ориентацию на научное знание и на широкое естественно-научное и гуманитарное образование философов.

Но это образование, пригодное прежде всего для будущих преподавателей, необходимо дополнить таким образом, чтобы выпускники философских факультетов могли работать не только преподавателями вузов. Сегодня это уже реальность: низкая оплата труда в вузах выталкивает выпускников философских факультетов в иные области. Это соответствует и западной практике: сравнительно немногие выпускники философских факуль-

тетов находят место в системе образования. В США они чаще всего работают в фирмах как системные аналитики, специалисты по связям с общественностью; в Европе философов по образованию очень часто можно встретить в издательском деле, СМИ, политических партиях и международных организациях, в психотерапии и т.д.

Потребность в квалифицированных философях на кафедрах вузов и в школах чрезвычайно велика (обществоведение в средней школе также должны преподавать люди с соответствующей подготовкой), и факультет ВШЭ даст студентам необходимые для преподавательской деятельности знания — вместе с реформой образования и ростом благосостояния появится спрос на профессионалов. В России имеется около тысячи вузов, философия преподаётся в техникумах, многие частные школы нуждаются в людях, способных преподавать философию и логику. Преподавательская деятельность, однако, привлекает далеко не всех выпускников вузов, причём не только из-за низкой зарплаты — педагогов по призванию не так уж много.

Выпускники философского факультета должны быть подготовлены для работы и в иных областях. В этом отношении они мало чем отличаются от студентов некоторых других факультетов — спрос на социологов и политологов, если иметь в виду их узкую специализацию, также сравнительно невелик. Наряду с традиционными для философов дисциплинами, студенты должны будут на базе логики и математики знакомиться с системным анализом и информатикой, этику сочетать с подготовкой к работе в фирме («человеческие отношения», «связи с общественностью»), политическую философию изучать вместе с политическими технологиями, эстетику — с издательским делом, страхованием в области искусства и т.д. Иначе говоря, программа философского факультета будет ориентирована на ряд дисциплин, которые преподаются на других факультетах, — экономику, право, менеджмент, информатику, политологию. Студент освоит два современных иностранных языка, тогда как древнегреческий и латынь будут даны в сравнительно небольшом объёме (значительно меньшем, чем, например, в РГГУ). Разумеется, философское образование сохранит присущий ему универсализм — философ должен изучать и математику, и биологию, и всеобщую историю, но к ним добавятся более «практичные» дисциплины. На Западе сходную программу философии предлагают некоторые университеты США и Великобритании (Стэнфорд, Лондонская Школа Экономики и др.).

Выход страны из кризиса, рост экономики и благосостояния населения приведут к изменениям нашей системы образования. Это затронет и философию. В качестве примера можно привести Испанию в 60–70-е годы. Существовавший там франкистский режим сначала запретил преподавание любой философии, за исключением средневековой схоластики. Но вместе с быстрым ростом экономики появился спрос на хорошо подготовленных специалистов, а им требовалась не схоластика, но умение

Однако на фоне умолчания легко может быть создана атмосфера отрицания, исключения, гонения предмета обсуждения (в данном случае валеологии) из приоритетов в массовом сознании. При этом в ход идут самые разнообразные аргументы, включая обвинения в шарлатанстве, надувательстве, обмане и явном причинении вреда подрастающему поколению, учащейся молодёжи, и все эти и другие пороки приписываются валеологической науке и практике.

В результате создаётся обстановка настолько негативная, что и в кругах руководителей, принимающих ответственные решения, поселяются сомнения относительно целесообразности обучения основам валеологии и даже принимаются решения убрать валеологию из учебных планов и из программ обучения. Было когда-то «горе от ума», а теперь куда актуальнее другое горе — от недостаточной образованности. Вот какова цена непротivления ереси и воздержания от решительного отпора необоснованным наветам.

Именно поэтому статья профессора З.И. Тюмасевой нам представляется ценной и своевременной. Выступление актуально ещё и потому, что идёт подготовка образовательных стандартов нового поколения, которые должны быть освобождены от предыдущих ошибок и просчётов. И хотя для специалистов статья З.И. Тюмасевой не содержит ничего необычного, всё изложенное вполне понятно и очевидно и под каждым положением статьи специалист по валеологии может подписаться, но именно таких работ, встающих на защиту оставленной на поругание валеологии, — как раз и не хватает.

Несомненное преимущество выступления З.И. Тюмасевой в профессиональном педагогическом издании в том, что на суд педагогических кадров представлена вся несостоятельность обвинений и нападков на валеологию, указываются истоки предвзятого отношения к валеологии, аргументированно обосновываются полезность и необходимость включения её в образовательный процесс на всех уровнях, чётко представлена предметно-методологическая специфика, отличающая валеологию от смежных с нею научных направлений и учебных дисциплин.

Большое внимание в статье уделено анализу содержания и истолкованию ключевых понятий валеологии, в частности, понятию «здоровье». Развивая идеи основоположника валеологии профессора И.И. Брехмана, автор анализирует экологическую сущность здоровья человека и выводит интегрированное определение здоровья, применимое для любых природных и экосоциальных систем.

Учитывая, что «все самые острые стрелы популистской и ненаучной критики валеологии обращены

к программам валеологических и валеологизированных учебных курсов, а также к учебным пособиям» (с. 78), профессор З.И. Тюмасева обсуждает проблему организации учебно-методического обеспечения реализации базового компонента учебных планов и программ на федеральном уровне. При этом совершенно справедливо отмечается, что на фоне этой общей проблемы тема учебников, программ и пособий по школьным и вузовским курсам валеологии столь же важна, как и по другим учебным дисциплинам.

Для педагогической валеологии и валеологического образования важны не только «знания о здоровье, даже не умения и навыки оздоровления, но прежде всего — воспитание у подрастающего человека системных потребностей в здоровом образе жизни и системных умений создания индивидуальной модели здорового образа жизни» (с. 79).

В статье подчёркивается необходимость создания здоровой (здоровьеразвивающей) образовательной среды, необходимость снижения здоровьезатратности образования. Через оздоровление системы образования — к оздоровлению средствами образования — призывает следовать профессор З.И. Тюмасева. И в этом смысле педагогическая валеология призвана разрабатывать научные основы оздоровления образования, образовательной среды, образовательных процессов — их теории, методики и организации.

Свою статью в защиту валеологии З.И. Тюмасева завершает совершенно справедливым указанием на то, что «ни по ценностям, ни по проблематике, ни по целям, ни по конкретным задачам и средствам их решения, ни по результатам у валеологии нет и не может быть ничего, подменяющего другие науки о человеке, и тем более — нет в ней ничего иррационального, мистического, безнравственного. А все идеи, выходящие за рамки описанных выше проблем, не имеют никакого отношения к валеологии. Если же такие идеи пропагандируются и реализуются под видом валеологии, то это не более чем мистификация, которую условно можно назвать «другой валеологией», не имеющей к валеологии как к науке никакого отношения и являющейся уделом непрофессионалов, дискредитирующих истинную валеологию» (с. 79). И этим всё сказано. ■

решать научные, технические и экономические проблемы. Так как границы были открыты, многие испанцы получили философское образование в Англии и США и, вернувшись на родину, стали занимать места на кафедрах. Через одно поколение от схоластики в светских университетах не осталось и следа, а уровень подготовки философов в Испании немногим уступает Германии или Франции.

В период демократизации после смерти Франко никому в голову не приходило сокращать часы на философию или её ликвидировать, а в испанском парламенте (кортесах) иной раз возникали философские дебаты — тогдашний глава правых (правящей ныне партии) Фрага Ирибарне был в прошлом профессором философии права, а глава одной из фракций социалистов (и мэр Мадрида) Тьерно Гальван — один из лучших специалистов по аналитической философии и переводчик «Логико-философского трактата» Витгенштейна. Вряд ли наши парламентарии когда-нибудь станут цитировать по памяти Аристотеля и Гегеля или приглашать крупнейших философов для доклада (перед испанскими депутатами выступал, например, Ю. Хабермас). Но интеллектуальная атмосфера в стране изменится и даже наше телевидение станет чаще обращаться к учёным, а не к шарлатанам.

Вполне вероятно, мы придём к тому, что философия будет изучаться в средней школе, особенно если добавится 12-й год обучения. Но в заключение этой статьи я бы обратил внимание на «философию для детей» — получающую всё более широкое распространение программу обучения философии с начальных классов школы. Навыки разумного — самостоятельного, критичного, доказательного — мышления можно прививать с раннего возраста. Слишком сложное для ребёнка содержание философских абстракций в этой программе адаптировано к возможностям ребёнка, к знаниям и навыкам, получаемым им в школе. Эта программа получила одобрение ЮНЕСКО и многих международных образовательных организаций уже потому, что у детей, решающих методом сократического диалога логические и этические задачи, существенно улучшается успеваемость по другим предметам — они лучше мыслят, а потому им легче решать задачи по математике и физике, изучать историю или географию. Насколько мне известно, некоторые частные школы в России обратились к этой программе. Быть может, вслед за детьми богатых через какое-то время все российские школьники станут «философами», но пока что нам следует сохранить философию в вузах и преподавать в них именно философию, а не остатки прежней идеологии. ■